

Б.В. Соколов

Коровьев-Фагот

КОРОВЬЕВ-ФАГОТ, персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», старший из подчиненных Воланду демонов, черт и рыцарь, представляющийся москвичам переводчиком при профессоре-иностранце и бывшим регентом церковного хора. Фамилия Коровьев сконструирована по образцу фамилии персонажа повести А.К. Толстого «Упырь» (1841) статского советника Теляева, который оказывается рыцарем Амвросием и вампиром. Интересно, что Амвросием зовут одного из посетителей ресторана Дома Грибоедова, расхваливающего достоинства его кухни в самом начале романа. В финале же визит в этот ресторан Бегемота и Коровьева заканчивается пожаром и гибелью Дома Грибоедова, а в заключительной сцене последнего полета Коровьева, как и Теляев у А.К. Толстого, превращается в рыцаря.

Коровьев связан и с образами произведений Ф.М. Достоевского. В эпилоге «Мастера и Маргариты» среди задержанных по сходству фамилий с Коровьевым названы «четыре Коровкина». Здесь сразу вспоминается повесть «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), где фигурирует некто Коровкин. Дядя рассказчика полковник Ростанев считает этого героя одним из близких себе людей. Полковник «вдруг заговорил, неизвестно по какому поводу, о каком-то господине Коровкине, необыкновенном человеке, которого он встретил три дня назад где-то на большой дороге и которого ждал теперь к себе в гости с крайним нетерпением». Для Ростанева Коровкин «уж такой человек; одно слово, человек науки! Я на него как на каменную гору надеюсь: побеждающий человек! Про семейное счастье как говорит!» И вот перед гостями появляется давно ожидаемый Коровкин «не в трезвом состоянии души-с». Костюм его, состоящий из изношенных и поврежденных предметов туалета, когда-то составлявших вполне приличную одежду, напоминает костюм Коровьева. Коровкин схож с булгаковским героем и разительными приметами пьянства на физиономии и в облике: «Это был невысокий, но плотный господин, лет сорока, с темными волосами и с проседью, выстриженный под гребенку, с багровым круглым лицом, с маленькими, налитыми кровью глазами, в высоком волосяном галстуке, в пуху и в сене, и сильно лопнувшем под мышкой, в *pantalon impossible* [*фр.*: невозможных брюках] и при фуражке, засаленной до невероятности, которую он держал на отлете. Этот господин был совершенно пьян». А вот портрет Коровьева: «...прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный... пиджачок... гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия, прошу заметить, глумливая»; «...усики у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брюки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки». Здесь полный контраст физических черт — Коровкин низкий, плотный и широкоплечий, Коровьев же высокий, худой и узкоплечий. Однако при этом совпадает не только одинаковая небрежность в одежде, но и манера речи. Коровкин обращается к гостям:

«— Атанде-с... Рекомендуюсь: дитя природы... Но что я вижу? Здесь дамы... А зачем же ты не сказал мне, подлец, что у тебя здесь дамы? — прибавил он с плутовскою улыбкою смотря на дядю, — ничего? Не робей!.. представимся и прекрасному полу... Прелестные дамы! — начал он, с трудом ворочая язык и завязая на каждом слове, — вы видите несчастного, который... ну, да уж и так далее... Остальное не договаривается... Музыканты! польку!

— А не хотите ли заснуть? — спросил Мизинчиков, спокойно подходя к Коровкину.

— Заснуть? Да вы с оскорблением говорите?

— Нисколько. Знаете, с дороги полезно...

— Никогда! — с негодованием отвечал Коровкин. — Ты думаешь, я пьян? — нимало... А впрочем, где у вас спят?

— Пойдемте, я вас сейчас проведу.

— Куда? в сарай? Нет, брат, не надуешь! Я уж там ночевал... А, впрочем, веди... С хорошим человеком отчего не пойти?... Подушки не надо; военному человеку не надо подушки... А ты, мне, брат, диванчик, диванчик сочини... Да, слушай, – прибавил он останавливаясь, – ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мне того... понимаешь? ромео, так только, чтоб муху задавить... единственно, чтоб муху задавить, одну, то есть рюмочку.

— Хорошо, хорошо! – отвечал Мизинчиков.

— Хорошо... Да ты постой, ведь надо ж проститься... Adieu, mesdames и mesdemoiselles... Вы, так сказать пронзили... да уж ничего! после объяснимся... а только разбудите меня, как начнется... или даже за пять минут до начала... а без меня не начинать! слышите? не начинать!..»

Пробудившись же, Коровкин, по словам лакея Видоплясова, «многообразные вопли испускали-с. Кричали: как они представляются теперь прекрасному полу-с? а потом прибавили: “Я не достоин рода человеческого!” и все так жалостно говорили-с, в отборных словах-с». Почти так же говорит и Коровьев, обращаясь к Михаилу Александровичу Берлиозу и изображая из себя похмельного регента:

« — Турникет ищите, гражданин? – треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, – сюда пожалуйте! Прямо, и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!».

Как и герой Достоевского, Коровьев просит выпивку «для поправления здоровья». Его речь, как и речь Коровкина, делается отрывистой и малосвязной, что характерно для пьяного. Присущую Коровкину интонацию плутовской почтительности Коровьев сохраняет и в разговоре с Никанором Ивановичем Босым, и в обращении к дамам на сеансе черной магии в Театре Варьете. Коровьевское «Маэстро! Урежьте марш!» явно восходит к коровкинскому «Музыканты! польку!». В сцене же с дядей Берлиоза Поплавским Коровьев «жалостливо» и «в отборных словах-с» ломает комедию скорби.

«Село Степанчиково и его обитатели» представляет собой также пародию на личность и произведения Николая Гоголя. Например, дядя рассказчика, полковник Ростанев, во многом пародирует Манилова из «Мертвых душ», Фома Фомич Опискин — самого Гоголя, а Коровкин — Хлестакова из «Ревизора» и Ноздрева из «Мертвых душ» в одном лице, с которыми столь же опосредованно оказывается связан и Коровьевым. С другой стороны, образ Коровьева напоминает кошмар «в брюках в крупную клетку» из сна Алексея Турбина в «Белой гвардии». Этот кошмар, в свою очередь, генетически связан с образом либерала-западника Карамзинова из романа Достоевского «Бесы». Коровьев — это также материализовавшийся черт из разговора Ивана Карамазова с нечистым в романе «Братья Карамазовы».

Между Коровкиным и Коровьевым есть, наряду со многими чертами сходства, одно принципиальное различие. Если герой Достоевского — действительно горький пьяница и мелкий плут, способный обмануть игрой в ученость лишь крайне простодушного дядю рассказчика, то Коровьев — это возникший из знойного московского воздуха черт (небывалая для мая жара в момент его появления — один из традиционных признаков приближения нечистой силы). Подручный Воладта только по необходимости надевает различные маски-личины: пьяницы-регента, гаера, ловкого мошенника, проныры-переводчика при знаменитом иностранце и др. Лишь в последнем полете Коровьев становится тем, кто он есть на самом деле, мрачным демоном, рыцарем Фаготом, не хуже своего господина знающим цену людским слабостям и добродетелям.

Рыцарство Коровьева имеет много литературных ипостасей. В последнем полете фигляр Коровьев преобразуется в мрачного темно-фиолетового рыцаря с никогда не улыбающимся лицом. Этот рыцарь «когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал», — так излагает Воладт Маргарите историю наказания Коровьева. Своеобразным прототипом рыцаря Фагота здесь послужил, по всей вероятности, бакалавр Сансон Карраско, один из основных персонажей булгаковской инсценировки романа «Дон Кихот» М. де Сервантеса. Сансон Карраско, стремясь заставить Дон Кихота вернуться домой,

к родне, принимает затеянную им игру, выдает себя за рыцаря Белой Луны, побеждает рыцаря Печального Образа в поединке и вынуждает поверженного дать обещание вернуться к семье. Однако Дон Кихот, возвратившись домой, не может пережить крушения своей фантазии, ставшей для него самой жизнью, и умирает. Сансон Карраско, рыцарь Белой Луны, делается невольным виновником гибели рыцаря Печального Образа. Герцог говорит Сансону после ранения Дон Кихота, что «шутка зашла слишком далеко», а умирающий идалго называет Карраско «наилучшим рыцарем из всех», но «жестоким рыцарем». Дон Кихот, чей разум помутился, выражает светлое начало, примат чувства над разумом, а ученый бакалавр, символизируя рациональное мышление, вопреки своим намерениям творит черное дело. Не исключено, что именно рыцарь Белой Луны наказан Воландом столетиями вынужденного шутовства за трагическую шутку над рыцарем Печального Образа, закончившуюся гибелью благородного идалго. Отметим, что Сансон Карраско оказывается связан с ночным светилом — луной, олицетворением потусторонних сил. В ночь полнолуния совершает свой последний полет и рыцарь Фагот, вместе с Воландом и остальными членами свиты возвращающийся в свой мир — мир ночи.

У Коровьева в его рыцарском обличий есть еще один, демонологический прототип. В книге М. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (1904), из которой сохранились многочисленные выписки в булгаковском архиве, приведена история двух рыцарей. Один из них, испанский дворянин (как, кстати сказать, и сервантесовский Дон Кихот), влюбленный в монахиню, по дороге на свидание с ней должен был пройти через монастырскую церковь. В ярко освещенной церкви рыцарь видит отпевание покойника, и дворянину называют имя умершего — его собственное. В ответ рыцарь смеется, указав, что монахи ошибаются, и что он, слава Богу, жив и здоров. Однако охваченный внезапным страхом, выбегает из церкви.

Его догоняют две громадные черные собаки и загрызают насмерть. Другой рыцарь, Фалькенштейн, однажды усомнился в могуществе и самом существовании демонов и со своими сомнениями обратился к некоему монаху Филиппу. Тот начертал шпагой волшебный круг и заклинаниями вызвал черта — громадного и ужасного черного дьявола, появившегося с шумом и грохотом. Рыцарь не вышел за пределы волшебного круга и остался жив и невредим, «только все его лицо побледнело и оставалось таким до конца жизни». В Коровьеве контаминированы образы обоих рыцарей. Испанский рыцарь наказан за насмешку над предсказанием собственной смерти (за это же наказан и Михаил Александрович Берлиоз), а рыцарь Фалькенштейн — за сомнения в существовании демонов, причем лицо его навеки остается бледным, тогда как рыцарь Фагот обречен оставаться с всегда мрачным лицом. В более раннем варианте сцены последнего полета Коровьев «сорвал с носа пенсне и бросил его в лунное море. С головы слетела его кепка, исчез гнусный пиджачишко, дрянные брючонки. Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана, на рукояти, на звездах шпор. Не было никакого Коровьева, невдалеке от мастера скакал, колол звездами бока коня рыцарь в фиолетовом. Все в нем было печально, и мастеру показалось даже, что перо с берета свешивается грустно». Здесь Коровьев имеет сходство как с испанским дворянином-рыцарем из книги Орлова, так и с рыцарем Белой Луны — Сансоном Карраско. Помощник Воланда парадоксально обретает черты рыцаря Печального Образа. Отметим также, что фиолетовый цвет в католической традиции — цвет траура.

Превращение Коровьева в рыцаря, вероятно, связано и с шуточной «легендой о жестоком рыцаре», содержащейся в повести друга Булгакова писателя С. Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928). Вот эта легенда:

«В некоем замке, стоящем над бездною, на весьма крутой и неудобной для пешеходов скале, жил барон, отличавшийся неимоверною злобою, которую срывал он не только на своих слугах и родственниках, но и на беззащитных животных... Не бывало случая, чтобы, встретив на дороге корову, рыцарь отказал себе в удовольствии засунуть шпагу ей в бок или, чтобы, поймав кошку, не привязал он ее

за хвост к длинной бечевке и не начал бы раскачивать в таком виде над бездною». Исцеление рыцаря от его странного недуга происходит у Заяицкого при столь же комических обстоятельствах: «Однажды гулял рыцарь со своим пажом по берегу реки столь же бурливой, сколь узкой, и обмахивал себя широкой шляпой с пером, так как день был жаркий. Перед этим он только что отхватил голову овце [вспомним, что Коровьев направил к роковому турникету Берлиоза, которому в результате отрезало голову трамваем], пасшейся на лужайке, и жестокость его теперь изыскивала себе нового применения. Вдруг глаза его устали в одну точку, приняли выражение глубочайшего удивления, граничащего с ужасом, и, вперив в ту же самую точку указательный перст правой руки, закричал он:

— Что это такое?

Паж глянул по указанному направлению и обомлел: прекрасная дама, стояла на берегу, делала все попытки искупаться в реке, причем золоченая карета ее со стыдливо отвернувшимся возницей стояла тут же на зеленом холме.

— Что это? – повторил барон, не опуская перста.

— Это дама, о благородный барон, – отвечал паж, дрожа от страха за несчастную, а кстати, и за себя.

— Да, но что же это такое? – продолжал восклицать рыцарь. Он подошел ближе к незнакомке, которая в это время уничтожила последнюю преграду между собою и солнечными лучами, внезапно упал на колени и, будто ослепленный сиянием, закрылся епанчою. Когда он встал, лицо его было светло и умильно. Подойдя к красавице, которая между тем с перепугу влезла в воду, он любезно пригласил ее обедать в свой замок и предлагал ей немедленно перестать купаться, не понимая, что заставляет ее сидеть в воде столь долгое время. Красавице с трудом удалось убедить его обождать в карете, что он наконец и сделал, дав ей таким образом возможность одеться, не нарушая требований целомудрия. Возвращаясь в свой замок в карете, барон слегка обнимал стан дамы и все время умолял кучера не стегать бедных лошадей, а при встрече со стадом не только не сделал попытки проткнуть корову шпагой, но, протянув из окна руку, ласково потрепал ближайших животных. Такова, заканчивает легенда, удивительная сила женского влияния. Вследствие странного стечения обстоятельств барон с детства не только не видел женщин, но даже не подозревал об их существовании, что было совершенно упущено из вида его родственниками. Первая же встреча с женщиной превратила кровожадного льва в ласкового тельца».

У рыцаря Фагота, как и у «жестокоего рыцаря» в повести Заяицкого, есть паж. В этой роли выступает кот-оборотень Бегемот, меняющий свое обличье в последнем полете: «Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире». Показательно, что он летит бок о бок с Коровьевым. Злые шутки «жестокоего рыцаря» над животными, вероятно, удовлетворили бы Воланда. А вот невольный каламбур по отношению к купающейся даме, ликвидировавшей последнюю преграду между своим телом и солнечными лучами, и, будто сиянием, ослепившей героя легенды, дьяволу мог бы не понравиться. Ведь Воланд по мере сил препятствует Маргарите проявить благотворное женское влияние после Великого бала у сатаны, в частности, в отношении Фриды.

После того, как Коровьев «соткался из воздуха» на Патриарших прудах, Михаил Александрович Берлиоз в беседе с Иваном Бездомным упомянул «про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике». Вицлипуцли здесь ассоциируется с Коровьевым не случайно. Это — не только бог войны, которому ацтеки приносили человеческие жертвы, но и, согласно немецким легендам о докторе Фаусте, — дух ада и первый помощник сатаны. В качестве первого помощника Воланда выступает в «Мастере и Маргарите» Коровьев.

Одно из имен Коровьева — Фагот — восходит к названию музыкального инструмента, изобретенного итальянским монахом Афранио. Благодаря этому обстоятельству резче обозначается функциональная связь между Коровьевым и Афранием. У Коровьева есть даже некоторое сходство с фаготом — длинной тонкой трубкой, сложенной втрое. Булгаковский персонаж худ, высок и в мнимом подобию страсти, кажется, готов сложиться перед собеседником втрое (чтобы потом спокойно ему напасть). Не исключено, что Коровьев имел и реального прототипа среди знакомых Булгакова. Вторая жена писателя Л.Е. Белозерская в книге мемуаров «О, мед воспоминаний» упоминает слесаря-водопроводчика Агеича, любовника их домработницы Маруси (в квартире на Б. Пироговской, 35а), которая впоследствии вышла за него замуж и, по утверждению мемуаристки, «много раз после прибежала она ко мне за утешением. Несколько раз прорывался к нам и пьяный Агеич. Алкоголь

настраивал его на божественное: во хмеле он вспоминал, что в юности пел в церковном хоре [по устному свидетельству Белозерской, Агеич был регентом хора] и начинал петь псалмы. Выпроводить его в таком случае было очень трудно. «Богиня, вы только послушайте... — и начинал свои песнопения»...» По словам Белозерской, Агеич был «на все руки мастер». Думается, отставной регент-водопроводчик повлиял на коровьевскую ипостась Коровьева, который выдает себя за бывшего регента и предстает на Патриарших горьким пьяницей. Правда, вместо псалмов, Коровьев разучивает с сотрудниками филиала Зрелищной комиссии «Славное море священный Байкал...». Он, как и Агеич, — мастер на все руки, только по части устройства всяких гадостей. Интонация и лексика Коровьева, когда он обращается к Маргарите: «Ах, королева, — игриво трещал Коровьев, — вопросы крови — самые сложные вопросы в мире!», напоминает обращение Агеича к Белозерской.

Эпизод с хоровым кружком, поющим «Славное море...», возможно, навеян случаем, связанным с другой «байкальской» песней. 18 декабря 1933 Е.С. Булгакова оставила в дневнике следующую запись:

«...Поздно вечером Рубен Симонов потащил нас к себе. Там были еще и другие вахтанговцы, было очень просто и весело. Симонов и Рапопорт дуэтом пели “По диким степям Забайкалья...” (Один из поющих будто бы не знает слов, угадывает, вечно ошибается: “навстречу — родимый отец...” (поправляется: мать!) и т. д.) Обрато Симонов вез нас на своей машине — по всем тротуарам — как только доехали!»

У Коровьева хор поет песню слаженно и правильно, только никак не может остановиться. То, что пьяный руководитель Театра имени Евг. Вахтангова Р. Симонов благополучно довез писателя и его жену до дому, могло быть расценено Е.С. Булгаковой как покровительство Бога или дьявола. Черт Коровьев-Фагот, играющий пьяницу-регента, путает служащих Зрелищной комиссии, заставляя их в рабочее время отдаваться хоровому пению. Булгаков высмеял приверженность представителей советской власти всех уровней именно к этому виду искусства еще в повести «Собачье сердце» (1925), а в письме сестре Наде 24 марта 1922 сообщал об обстановке в доме 10 по Б. Садовой, где тогда проживал в квартире, ставшей впоследствии Нехорошей квартирой: «...Дом уже “жилищного рабочего кооператива” и во главе фирмы все та же теплая компания, от 4–7 по-прежнему заседания в комнате налево от ворот» (вероятно, сопровождавшиеся ненавистным писателю хоровым пением).

Любопытно, что рыцарство Коровьева связано с обретением им одной из высших степеней масонства, степени Кадош, или Рыцаря белого и черного орла.